

HARLEQUIN®

071



Аманда Маккэй

Т
РЕДАТЕЛЬСКИЙ
ПОЦЕЛУЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Аманда Маккейб
Предательский поцелуй
Серия «Исторический роман
– Harlequin», книга 71

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23905090

Предательский поцелуй: роман : Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-07430-0

Аннотация

Орландо Ландуччи слишком хорошо знает, какая тьма скрывается за внешним блеском Флоренции. Когда его сестра гибнет, он, не в силах вынести обрушившееся на него несчастье, клянется отомстить за нее. Ничто не может остановить его. Но с того мгновения, как его взгляд упал на Изабеллу, что-то в нем изменилось. Изабелла прелестна и чиста, но она – родственница заклятого врага Орландо. Он на перепутье – исполнить свой долг и покарать врага, разбив сердце Изабеллы, или отступить, презреть данную им клятву... С каждым поцелуем Орландо все больше чувствует себя предателем. Когда наступит час мести, сможет ли любовь Изабеллы удержать его от рокового шага?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	34
Глава 3	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Аманда Маккейб

Предательский поцелуй

Роман

Amanda McCabe

Betrayed by His Kiss

Betrayed by His Kiss Copyright © 2014 by Ammanda
McCabe

«Предательский поцелуй» © «Центрполиграф»,
2017

© Перевод и издание на русском языке,
«Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф»,
2017

Посвящаю эту книгу Кайлу

*Я люблю вас так сильно, что нет сил и
побожиться...¹*

Вильям Шекспир. Много шума из ничего

¹ Пер. А. И. Кронеберга. (Примеч. пер.)

Пролог

Тоскана, 1474 год

В церкви было тихо, от мрамора веяло ледяющим холодом. На алтаре горели свечи, и отблески пламени мерцали на позолоченном окладе иконы Богородицы, изображенной в окружении святых и ангелов с печальными лицами. За пределами алтаря в церкви царил полумрак. Орландо Ландуччи был один.

Если не считать женщину, лежавшую в гробу у подножия алтаря. Сестра Орландо, навсегда покинувшая его.

Орландо опустился на колени возле гроба, сложил руки для молитвы, но нужные слова не шли на ум. Даже здесь, в этом святом месте, он не мог отрешиться от яростного гнева, пожирившего его изнутри.

Лицо Марии Лоренцы, такое прелестное при жизни, сейчас было бледным и спокойным. Ее светлые волосы скрывала белоснежная полотняная повязка, карие глаза закрылись навсегда, застывшие пальцы крепко сжимали распятие. Наверное, теперь она обрела долгожданный покой. Наконец.

Страдания ее были поистине велики. Но разве может она найти покой, когда ее убийца еще ходит по земле?

Да, не Маттео Строцци поднес бутылочку с ядом к ее губам, но он незримо руководил Марией, когда она решилась на последний в ее жизни поступок. Воспоминания о предательстве Маттео преследовали Марию до конца ее короткой жизни, хотя прошло столько месяцев. Время бессильно было залечить рану. Негодяй...

Мария не попросила бы у Орlando помощи, но теперь ему не нужно было спрашивать ее позволения. Это его долг. Ради сестринской любви, которую она дарила ему.

Вкладывая маленький букетик весенних цветов в пальцы Марии, сжимавшие распятие, Орlando вспоминал свое детство, проведенное рядом с сестрой. Сколько радости они находили в общении друг с другом – забирались на деревья, бегали по ячменному полю, смеялись... А как они перешептывались и хихикали в церкви вместо того, чтобы внимать словам священника. И так же хорошо Орlando помнил слезы Марии и неприкрытый страх в ее глазах, когда Маттео Строцци обманул ее. Брат был единственным человеком, которому она могла довериться, рассказать обо всем.

Мария Лоренца была рядом с Орlando, сколько он себя помнил. Его милая, красивая сестренка. Она не заслужила страданий, которые свели ее в могилу.

Пронзительный крик ребенка нарушил тишину храма. Орlando поднялся с колен и обернулся. В дверях стояла одна из монашек, бережно прижимавшая к груди новорожденную дочь Марии, хрупкий росток новой жизни перед гробом ма-

тери. Его племянница, о которой некому позаботиться, кроме него, Орландо. Девочка потеряла мать, не успев узнать ее. Мария была уверена, что не сможет вырастить ребенка, что ее позор несмываемым пятном ляжет на незаконнорожденную дочь и потому решила покинуть этот мир. Она не в силах была выносить унижение, выпавшее на ее долю.

И причиной тому был Маттео Строцци. Но этот негодяй заплатит за содеянное. Орландо позаботится об этом.

Глава 1

*Моим блистательным господам: власть моя в опасности. Поспешите же на ее защиту.
Ваш слуга, Лоренцо Медичи*

Тоскана, сельская местность, весна 1478 года

Девичий голос, мягкий и приятный, читал сонет Петрарки. Этот голос, созвучный теплomu бризу, переплетался с жужжанием пчел, искавших самые ароматные из летних цветов, с щебетанием птиц. Ветер играл листьями на искривленных ветвях оливковых деревьев, шумел в кронах высоких кипарисов. Это был медленный, ленивый, тягучий, как сироп, день. Над полями струился зной. О работе и думать было нечего.

Однако для Изабеллы ясный, солнечный день был благословением. Конечно, ей нужно было кое-что сделать по дому. С наступлением лета пища стала легче, тяжелые портьеры и толстые зимние ковры сменились тонкими воздушными тканями. Слуги обменивались сплетнями у распахнутых окон, чистили овощи для легкого супа. Цыплята, которым сегодня повезло не попасть в похлебку, копались в земле на заднем дворе. Нет, Изабеллу не ждут дома до заката, когда

отец оторвется наконец от своих книг и захочет поужинать.

Изабелла склонилась над альбомом, растушевывая пальцем резкую линию, проведенную углем.

Голос дрогнул.

Изабелла подняла глаза. Вероника, юная дочь соседа, по-прежнему сидела на отведенном ей месте, на коленях лежала раскрытая книга. Она была превосходной моделью: светло-золотистые локоны, озаренные солнцем, образовывали сияющий нимб вокруг ее головы, овальное личико, тронутое легким загаром, разрумянилось. Юбки в алую полоску на зеленой траве напоминали смятые лепестки розы. Но почему, ради святой Екатерины, эта девочка не может сидеть спокойно!

– Что случилось, Вероника? – поинтересовалась Изабелла.

– Я могу посмотреть твой рисунок, мадонна? – спросила девочка с плохо скрываемым любопытством. – Мы уже так долго сидим здесь!

Долго? Изабелла посмотрела в лазурное небо и увидела, что косые солнечные лучи стали цвета карамели. Мягкий, словно размытый утренний свет, серебристо-серая дымка, характерная для знойных тосканских дней, давно исчезли. Однако Изабелле, поглощенной трудной задачей – как можно вернее передать на пергаменте черты лица, наполнить жизнью тонкие черные линии, – показалось, что прошли мгновения.

– Тебе полезно практиковаться в чтении, Вероника, – заметила она, убирая уголь в специальный ящичек.

Изабелла несколько раз согнула и разогнула пальцы. Кожа на ладонях и ногти были покрыты въевшейся угольной пылью, теперь их ни за что не отмыть. Что скажет отец? Впрочем, после стольких лет, проведенных вместе, он привык к занятиям дочери, точно так же, как она научилась уважать его привычки.

– Ты так хорошо читаешь сонеты, – продолжала Изабелла, – твои родители будут гордиться тобой.

Вероника закрыла драгоценный томик в зеленом кожаном переплете и крепко прижала его к груди. Ее розовые губы тронула улыбка.

– Ты правда так думаешь, мадонна? Родители говорят, что, когда лето подойдет к концу, я должна отправиться к тете во Флоренцию, чтобы научиться там манерам настоящей дамы и найти подходящего жениха. – Вероника неуверенно покосилась на книгу. – Мне не хотелось бы стыдиться себя.

Ах, Флоренция! Изабелла подавила вспышку зависти. Глупо, конечно, завидовать ребенку, когда сама она уже взрослая девушка девятнадцати лет! Но увидеть сокровища Флоренции, полотна Беллини, Боттичелли, Гирландайо, великолепные соборы, галереи и палаццо – как это было бы замечательно. Непреходящая, вечная, утонченная красота. Мир, совершенно непохожий на их тихую, сельскую жизнь.

Изабелла знала этот мир только по письмам кузины Ка-

терины, и вряд ли ей представится случай увидеть его своими глазами, пока овдовевший отец нуждается в ней. Много лет назад он потерял жену, мать Изабеллы, ее смерть стала для него таким ударом, что он отрешился от мира реально-го, удалившись в мир книг. Судя по всему, отец собирался остаться там насовсем, до конца своих дней оплакивая тяжелую утрату.

– Тогда я постараюсь закончить свой рисунок и подарю его твоим родителям прежде, чем ты уедешь, – сказала Изабелла. – Но я пока не покажу его тебе. Только когда закончу.

Вероника разочарованно вздохнула, и Изабелла рассмеялась, глядя на ее надутые губки. Да, этому ребенку еще многое предстоит узнать, прежде чем она найдет своего суженого и обзаведется своим домом. Больше, чем Изабелле, которая уже давно вышла из брачного возраста и которая не могла себе даже представить, каково это – быть женой. Ей нравилась жизнь, которую она вела в отцовском доме. Лучше уж быть самой собой, чем подчиняться воле мужа.

Кроме того, у нее перед глазами был пример отца. Что стало с ним, когда он потерял горячо любимую жену? Он замкнулся в себе, его горе было таким всепоглощающим, что на время он даже забыл о существовании дочери. Изабелла не хотела бы пережить подобное. Для нее утешением и опорой, смыслом ее существования стало искусство.

– Ну, а теперь лети, маленькая птичка, – сказала Изабелла, – а то мама будет волноваться.

Вероника встала, отряхнула юбки, крепко зажала книгу в руке.

– Завтра мы встретимся, мадонна?

– Конечно, если не будет дождя. Мы же хотим закончить портрет до твоего отъезда, правда?

Весело рассмеявшись, Вероника повернулась и побежала по залитой солнцем траве. Изабелла смотрела ей вслед, пока алое пятнышко не скрылось за холмом.

Она положила на рисунок тонкий листок бумаги, чтобы угольные линии не смазались, и осторожно закрыла альбом. В нем почти не осталось чистых страниц, листы были покрыты черно-серыми изображениями цветов, деревьев, домов, людей, придуманных сцен. Все, что пленило ее глаза, нашло здесь свое отражение.

Изабелла аккуратно уложила альбом в корзинку вместе с ящичком для угля и остатками давно съеденной еды. Скоро ей придется уйти отсюда, покинуть эту тайную, зачарованную рощу и вернуться в реальный мир.

Отец, должно быть, уже вышел из библиотеки и ищет дочь.

Но у нее есть еще несколько минут. Изабелла легла на спину в нагретую солнцем траву и устремила взгляд в небо через кружевное переплетение ветвей оливы. Прежде ярко-голубое, небо изменило цвет, приобрело бледно-розовый оттенок, но в воздухе все еще струился зной. Она вдохнула свежий запах травы, смешанный с тонким, пряным ароматом

дикого жасмина. Это было самое прекрасное время дня, ее любимое, когда Изабелле казалось, что она одна во всем мире, что никто не может помешать ей, обидеть ее. В эту минуту не существовало ни обязанностей, ни желаний.

Она закрыла глаза, чувствуя на щеках нежное дуновение ветерка. Густые черные волосы разметались по траве. Пение птиц стало тише, словно они щебетали где-то далеко-далеко. А каково это – быть птицей? Взмыть в воздух, ощущая под крыльями ветер, поднимающий все выше и выше? Парить над землей.

Изабелла нарисовала в своем воображении картину: безбрежное голубое небо с пушистыми белыми облачками. В самом низу – цепочка домов, вилл, ферм, купол церкви. Может быть, крошечные точки – люди, занятые своими повседневными делами. А над ними – Икар, свободный, парящий в небе. Красивый юноша, обнаженный, с крыльями, поднятыми над головой. Мгновение чистого и ничем не омраченного счастья. А совсем высоко, у края картины, коварные лучи жаркого солнца. Падение, грозящее всем, кто осмеливается взлететь слишком высоко.

Изабелла открыла глаза, и на секунду ей показалось, что она видит крошечную фигурку, парящую в закатном небе. Его лицо было размыто, она пока не могла представить его себе, хотя в мечтах этот мужчина уже являлся ей. Он где-то там, далеко, ждет ее.

На губах появилась насмешливая улыбка. Это вряд ли. Ее

дом здесь, тут тихо, спокойно и безопасно. Далеко от полной соблазнов Флоренции. От мужчин, принадлежащих к кругу ее кухни Строщи. Здесь Изабелле нечего опасаться жарких лучей солнца. К тому же у нее нет крыльев, скрепленных воском, на которых она могла бы полететь к свободе.

Небо исчертили яркие оранжевые и золотые полосы, еще один день подходил к концу. Она слишком долго пробыла здесь.

Изабелла медленно встала и поморщилась – ноги затекли от долгого сидения на траве с альбомом на коленях. Темно-синие юбки были покрыты охряной пылью и травинками, но девушке некогда было беспокоиться о таких пустяках. Она должна спешить домой, убедиться, что ужин для отца готов.

Ферма медленно пробуждалась к вечерней жизни после долгой дневной сиесты. У домов под деревьями накрывали столы, зажигали свечи, прогоняя наступающую темноту. Вокруг бегали дети, с наслаждением вдыхая прохладный воздух, пришедший на смену дневному зною. Смех, лай собак, пение ночных птиц сопровождали Изабеллу на ее пути домой. Пыль клубилась вокруг ее обутых в сандалии ног, тонким слоем оседая на подоле платья.

– Добрый вечер! – кричали ей люди, и она отвечала им улыбкой, взмахом руки.

Наконец она поднялась на вершину холма, у подножия которого располагалась вилла ее отца. Здесь было тише, шум,

доносившийся с фермы, приглушался кольцом кривоватых низкорослых оливковых деревьев. Но было и другое, нечто неосязаемое, но все же существующее – какой-то невидимый барьер. Они были другими. Семья отца жила на этой вилле десятилетия, следила за полями, фруктовыми садами, виноградниками. Изабелла знала всех этих людей чуть ли не с рождения. Бедная маленькая девочка, рано лишившаяся матери, стала общим ребенком. Или ничьим.

Они и правда были другими. Она и ее отец. Ученый, для которого самой большой ценностью были его пыльные книги, человек, далекий от реальности, признающий лишь дорогой его сердцу античный мир. Он редко выходил из дому и никогда не бывал в полях, как его отец. Его мало волновало то, что составляло смысл существования для других, – повседневный труд ради того, чтобы прокормить семью, поклонение Богу, да просто жизнь. А она, его дочь, единственный ребенок, была еще более странной. Девушка, которая предпочитала царапать странные каракули на пергаменте, вместо того чтобы как все нормальные женщины выйти замуж и растить детей.

Изабелла рассеянно стянула растрепавшиеся черные волосы в узел, думая о том, что говорят люди за ее спиной. Они думали, она не слышит их шепот. Тут был ее дом, единственный, который она знала. И все же ее место было не здесь. Она снова подумала об Икаре, взмывающем в небо на своих роковых крыльях. Чего бы она не отдала за то, чтобы вкусить

хотя бы глоток свободы! Но это невозможно. Она – женщина, ее судьба predetermined. Крылья свободы не для нее.

Впрочем, выбор у нее все-таки был, за что следовало благодарить отца, его оторванность от реальной жизни, его равнодушие. Изабелле не обязательно было выходить замуж за какого-нибудь помещика и посвящать свою жизнь бесчисленным заботам по дому и воспитанию детей. Пусть даже это означало, что ее уделом станет одиночество.

Изабелла скрепила наспех сделанную прическу гребнем, который достала из кармана, отряхнула юбки и прикрыла манжетами пятна угольной пыли на руках. Чище все равно не будет, решила она и стала спускаться по склону холма к вилле.

Когда-то их дом считался самым красивым в округе. Это было во времена дедушкиной молодости, когда и была построена вилла. Архитектурный шедевр с самыми современными бытовыми удобствами и великолепной мебелью. Бабушка Изабеллы, славившаяся своей красотой, принадлежала к семье Строцци. Она задавала такие пиры, о которых говорили даже во Флоренции.

Но все это осталось в далеком прошлом.

Дедушка и бабушка умерли много лет назад, а при ее отце вилла пришла в запустение. Изабелла слышала, что ее мать, еще одна Строцци, тоже устраивала балы и танцевала при лунном свете со своими флорентийскими друзьями. Но она скончалась при родах, подарив жизнь Изабелле. Отец и без

того не любил танцы, да и вообще был равнодушен к еде и празднествам, так что веселью пришел конец. Разумеется, время от времени у них бывали гости – такие же ученые, которые приезжали, чтобы обсудить с отцом философию древних греков или достижения греческих математиков.

Им тоже не было дела до танцев. Равнодушны они были и к искусству, в котором Изабелла находила утешение. Родственники матери тоже не видели смысла поддерживать отношения со стариком, зарывшимся в книгах.

Наконец показался дом, и Изабелла остановилась на краю заросшего сада, чтобы перевести дух. Когда-то стены виллы были окрашены в цвет охры, прекрасно оттенявшийся зелеными ставнями и резными деревянными дверями. Теперь стены выцвели и приобрели оттенок спелого персика, штукатурка местами отвалилась, обнажив каменную кладку, краска на ставнях облупилась. На крыше не хватало черепицы, а сад, в котором любила танцевать мать Изабеллы, превратился в настоящие дебри. Статуи, некогда привезенные из самого Рима, оплетенные виноградными лозами, покосились. Облупившийся Купидон с опущенным луком, улыбающаяся Венера, Нептун, потерявший свой трезубец.

Окна верхнего этажа были темны, но из распахнутых дверей на плиты двора лился золотистый свет. Окна первого этажа были открыты навстречу вечернему бризу; до Изабеллы донеслись смех и болтовня служанок, заканчивавших готовить ужин. На столе, накрытом у старого фонтана, стояли

кувшины с вином и глиняные сосуды с оливковым маслом, лежал свежесдобитый хлеб.

Голоса то повышались, то становились едва слышны, но чем ближе Изабелла подходила к дому, тем отчетливее до нее доносились слова.

– ...вот уж не думала, что его богатые родственники вообще помнят о его существовании, – сказала кухарка Флавия. Комментарии других женщин заглушил стук глиняной посуды. – От них ни слуху ни духу вот уже много месяцев.

– А сегодня гонец приехал? – спросила Мена, домоправительница и одновременно горничная Изабеллы.

Гонец? Изабелла замерла, поставив ногу на каменную ступеньку. Флавия была права: они редко получали известия от родственников, да и осталось их не так уж много. Семья отца не отличалась плодовитостью, а кузены матери, Строцци, занимали высокое положение во Флоренции. Изабелла встречалась с ними всего несколько раз и мало что знала о них, за исключением того, что жизнь их протекала в роскоши. Но зачем им потребовалось присылать гонца?

– Я его видел, – сообщил один из слуг. – Важный такой, в синей с бежевым ливрее.

– Это цвета Строцци, – пробормотала Мена. – Что им нужно? Я слышала...

Ее слова потонули в грохоте упавшей миски и яростном лае одной из кухонных собак.

– Проклятие! – выругалась Флавия.

Изабелла оглянулась, словно ожидая увидеть за спиной «важного» гонца, но позади был только пустой сад.

– Синьорина Изабелла! – воскликнула Мена.

Испуганно вздрогнув, Изабелла повернулась к двери и увидела на пороге Мену, держащую в руках огромную миску с вареными овощами.

– Вот и вы наконец. Вы хорошо себя чувствуете?

Изабелла вгляделась в знакомое, покрытое морщинами лицо. В темных глазах Мены промелькнула тревога. Изабелла успокаивающе улыbnулась:

– Я в полном порядке, Мена. Просто немного перегрелась на солнце.

Неодобрительно покачав головой, Мена обошла Изабеллу и поставила миску на стол.

– Вы слишком много времени проводите на солнце, синьорина. Скоро станете чернее мавра!

Изабелла рассмеялась:

– Да какое это имеет значение! Все равно меня никто не видит. К тому же мне для работы нужен свет.

Мена бросила на девушку осуждающий взгляд, но промолчала, только фыркнула. Изабелла с детства знала, что это фыркание означает неодобрение.

– Ступайте принесите суп.

Кивнув, Изабелла поспешила на кухню. С порога ее охватила волна жара от пылавшего в очаге пламени. После прохладного вечернего воздуха духота, царившая на кухне, по-

казалась Изабелле невыносимой. Запах жареных цыплят перемешивался здесь с ароматом специй, вареных овощей, жженого сахара.

Флавия, пухлая, краснощекая женщина, жившая в этом доме с незапамятных времен, помешивала в котле тушеных цыплят, приправленных корицей. Она кивнула в сторону супа, и Изабелла, подхватив горшок, поспешила выбраться из кухни, подальше от обжигающего жара.

Мена задержалась у стола, разливая вино в глиняные кубки.

– Кузина Катерина прислала письмо? – шепотом спросила Изабелла, ставя горшок с супом на стол.

Мена даже не взглянула на нее, просто пожала плечами, сосредоточенно глядя на льющееся вино.

– Письмо пришло, это верно, но откуда мне знать, кто его послал?

– Мена! Скольких Строщи мы знаем? Как ты думаешь, чего она хочет?

Мена поджала губы. Она была крестьянкой, крепкой и выносливой, и всю жизнь прожила на одном месте. Ей мало было известно о том, что творилось во Флоренции, но то немногое, что Мена знала, она не одобряла. «Язычники они там все, глядят на картины с обнаженными богами и богинями, Бога не боятся». Мена фактически заменила Изабелле мать, растила ее с младенчества, но и она не понимала желания Изабеллы изменить свою жизнь.

– Ох, синьорина, – печально вздохнула Мена, – почему бы вам просто не...

– Это мой ужин? – послышался растерянный голос.

Изабелла бросила на Мену вопросительный взгляд, но было очевидно – служанка ничего не знает о таинственном гонце. Все, что она могла, – в очередной раз прочесть Изабелле нотацию: каждый, дескать, должен ценить то место, которое занимает, ибо туда определил его Господь. Все это Изабелла уже слышала, и не раз.

Она обернулась и увидела отца. По своему обыкновению, каждый вечер, как только садилось солнце и в сумерках уже не разглядеть было страниц книги, отец выходил из библиотеки и растерянно бродил вокруг дома в поисках того, кто подскажет, куда идти и что делать. Слуги провожали его к столу, где был накрыт ужин – к тому самому столу, за которым он ужинал каждый вечер.

Изабелла ласково улыбнулась ему. Длинные седые волосы отца были взъерошены, борода отросла чуть ли не до пояса, из-под мохнатых бровей смотрели поблекшие серо-зеленые глаза. Серо-зеленые глаза, которые унаследовала и Изабелла. Несмотря на теплый летний вечер, отец был облачен в потертую бархатную тунику, отороченную побитым молю мехом.

– Да, отец, это ваш ужин, – сказала Изабелла, подошла к отцу, взяла его под руку и подвела к креслу.

– Овощи? – спросил он, рассеянно осматривая стол.

– И тушеные цыплята с корицей, – ответила Изабелла, садясь рядом. – Вам ведь нравится корица. Флавия только что закончила готовить.

– Я принесу цыплят, – сказала Мена и направилась на кухню.

Изабелла вложила кубок с вином в руку отца. Как ей хотелось спросить его о загадочном письме, выяснить наконец, чего же хотят от них их флорентийские родственники! Но она хорошо знала, что торопить отца не стоит. Пока он не поест и не выпьет вина, пока не вернется в реальный мир, он и не поймет, о чем она говорит.

– Как прошел день? – поинтересовалась она, наливая суп в его тарелку. – Вы закончили новый трактат об Энеиде?

– Нет-нет, еще нет, но я близок к завершению. Очень близок. Я должен написать Фернандо в Мантую. У него есть документы, которые крайне необходимы мне для работы.

– Может быть, он мог бы сам приехать сюда, тогда вы бы обсудили с ним все интересующие вас вопросы. Он уже много месяцев не навещал нас.

– Гм, – пробормотал отец.

Мена вернулась с блюдом цыплят. Некоторое время они ели в полном молчании. На небе засверкали первые звезды. Это был ясный прохладный вечер. Месяц серебряным осколком висел у горизонта. Изабелла почувствовала, как напряжение дня отпускает ее. Когда с десертом из риса в меду и миндального молока было покончено и слуги зажгли фонари

в ветвях деревьев, Изабелла и ее отец остались одни. Болтовня на кухне стихла, тишину нарушало только пение соловья.

Изабелла оперлась подбородком на руки и закрыла глаза, рисуя в своем воображении набросок портрета юной Вероники. Что-то было не так с линией щеки, волосами, что-то, чего Изабелла пока не могла понять...

– Возможно, мне действительно стоит пригласить Фернандо погостить у нас, – вдруг проговорил отец.

Изабелла удивленно распахнула глаза:

– Что? Отец, я же говорила об этом час назад!

На губах отца появилась улыбка.

– Ах, Белла, ты думаешь, я тебя не слушаю. Слушаю. Просто мне нужно время, чтобы обдумать твои слова.

Рассмеявшись, Изабелла подлила вина в кубки.

– Отраднo это слышать, отец. Да, как замечательно было бы, если бы ваш друг приехал к нам. Он мог бы помочь вам в ваших исследованиях. Боюсь, вы чувствуете себя одиноко, ведь здесь некому разделить ваши интересы.

– Я люблю тишину, – ответил отец, отпив вина. – Давным-давно, когда я еще учился в университете, понял, что для истинной науки благоприятна только тишина. Разве тишина не помогает тебе в твоей работе, Белла?

Изабелла озадаченно нахмурилась. Она и не подозревала, что отец знает о ее «работе».

– Мое искусство?

– Гм, да. Впрочем, искусство несравнимо с историей. Я

имею дело с людьми, которые давно почили, с событиями, давно обратившимися в прах. Искусство же... это жизнь. Как ты можешь рисовать здесь, где нет истинного источника вдохновения? Где никто не помогает тебе?

Изабелла изумленно посмотрела на отца. Каждый вечер, зимой и летом, в дождь или в ясную погоду, они с отцом ужинали за этим самым столом. Но сегодня поистине необычный день – они разговаривали, как отец с дочерью. Кроме того, отец никогда прежде не выказывал такого внимания. Он любил ее, Изабелла знала это, просто жил в своем собственном мире.

– Я довольна, – ответила она, помедлив.

– Довольна. Но не счастлива. – Отец задумчиво покачал головой, прядь волос упала на нахмуренный лоб. – Ах, Белла, я и забыл, как ты юна. Я веду жизнь затворника, но это мой выбор. Ты тоже заслуживаешь права выбора. Ты должна увидеть что-то, кроме этого дома, может быть, выбрать новый путь. Найти хорошего мужа. Посмотреть мир. – Он вздохнул. – Ты так похожа на свою мать.

– Отец, к чему этот разговор? – удивленно спросила Изабелла. – Разве мы не довольны нашей жизнью? Неужели вы... – Ужасная мысль поразила ее. – Вы ведь не больны?

Отец рассмеялся:

– Все нет. Разве что возраст дает о себе знать. Просто сегодня мне напомнили о том, что существует другой, реальный мир. Я давно позабыл об этом.

Порывшись в кармане, он достал небольшой свиток. Сияняя восковая печать была сломана.

Ах да. Письмо от Катерины, которое вызвало такой переполох в доме.

– Что это, отец?

– Письмо от твоей кузины Катерины Строщи. Она спрашивается о тебе. – Он развернул свиток и расправил его на столе. – Она и раньше интересовалась тобой, однако после смерти твоей матери, боюсь, я стал для них бесполезен. Да и с ее отцом у меня отношения не сложились. Так что я решил оставить все как есть.

– Что же изменилось? – спросила Изабелла.

– Катерина пишет, что знает о твоей любви к искусству и разделяет ее. Говорит, что не очень хорошо чувствует себя в последнее время и ей нужен кто-то, кто помогал бы ей, нужна подруга. Это должна быть женщина, которой она сможет полностью доверять, родственница. Катерина спрашивает, сможешь ли ты приехать во Флоренцию и пожить с ней? Хотя бы какое-то время.

Жить во Флоренции? Изабелла ощутила ослепительную радость. Она отвернулась, до боли сжав руки. Возможно ли это? Не об этом ли она молилась? Не этого ли хотела? Посмотреть мир, увидеть восхитительный город – средоточие искусства, красоты, культуры, где она больше не будет чувствовать себя такой одинокой. Ее сокровенное желание... ей протягивали его на ладони, как драгоценный камень. Стоит

только протянуть руку...

И все же... все же...

Здесь ее дом, здесь все ей знакомо. Что, если реальная жизнь окажется не такой, как она себе представляла? Что, если ее мечта потускнеет, обратится в прах? Что, если кошмары, мучившие прежде, будут терзать ее в новом доме? Изабелла давно забыла о них, но в минуты усталости или тревоги видения возвращались. Что ей тогда делать?

– Решение за тобой, Белла, – тихо сказал отец. – Для меня Флоренция оказалась ядом, тебя она может исцелить. Ты такая умная, красивая. Но если ты не хочешь ехать, так и скажи.

– Кто позаботится о вас, отец, если я уеду? – прошептала она, все еще трепеща от волнения.

– Как кто? Слуги, разумеется! Ты можешь взять с собой Мену, остальные прекрасно управятся с хозяйством. Мои потребности невелики. Кроме того, я могу пригласить к себе друзей. Давно у нас не было гостей. – Протянув руку, он вдруг нежно сжал ее ладонь. – Я больше не могу стоять у тебя на дороге, Белла. Ты должна выбрать свой путь.

Изабелла сжала его узловатые пальцы.

– Вы думаете, мой путь ведет во Флоренцию?

Он кивнул:

– Может быть.

Изабелла глубоко вздохнула. Вся ее тревога, смятение вдруг отхлынули, как морская волна. Да, это правильно. Это

ее судьба, то, чего она ждала все свои девятнадцать лет. Она громко рассмеялась, ее сердце переполняла переливающаяся всеми красками радость.

– Хорошо! – воскликнула она. – Я отправляюсь во Флоренцию.

*Кто осушить бы смог просторы моря, вечно нам
родящие красу холстов, багрянок драгоценный сок?²
Эсхил. «Агамемнон»*

Орландо Ландуччи стоял у окна, глядя, как сумерки заливают улицы Флоренции. Он едва слышал мягкий голос Лукреции, в прошлом его любовницы, теперь друга. Она читала бессмертные строки «Орестеи». На город опускался вечер, самое прекрасное время дня. Мгновение, когда каменные башни в свете факелов отливают золотом, когда самые обычные лица становятся загадочными и красивыми. Грязь и уродство исчезают, скрытые тьмой. Как и злые деяния.

Он тоже мог скрыться, мог забыть, пусть всего на несколько часов. Он любил ночь.

Но сегодня пелена слишком тонкая, и он не может отдаться тайным удовольствиям Флоренции, как делал это не раз. За изящным фасадом Флоренции затевалось нечто. Напряжение сгущалось в воздухе.

Скоро ящик Пандоры раскроется, и зло наводнит этот мир. Никто больше не сможет обманываться. Даже великие

² Перевод С. Апта. (Примеч. пер.)

Медичи и их союзники.

Скоро и Орландо получит шанс, которого так долго ждал, и ему не придется больше скрываться под покровом ночи.

Когда сумерки сгустились, мощенная брусчаткой площадь под окнами дома Лукреции изменилась. Почтенные семейства скрылись за прочными стенами своих палаццо, наглухо заперев ставни. Торговцы закрыли свои лавки, нищие нашли прибежище за дверями храмов.

Но Флоренция не опустела. Вскоре улицы заполнились людьми, появились юноши в ярких полосатых штанах и шитых жемчугом камзолах, бархатных беретах с перьями на кудрявых головах. Передавая друг другу флягу с вином, они распевали непристойные песни в ожидании куртизанок в алых с желтым нарядах. Музыка было слышно издалека; чем темнее становилась ночь, тем громче звучали флейты и тамбурины.

Орландо рассеянно смотрел в окно. На площади вдруг появилась большая группа мужчин во главе с музыкантами. Впереди шествовал самый отъявленный распутник Флоренции, Джулиано Медичи, красивый младший брат всемогущего Лоренцо. За ним следовали его неотлучные друзья.

По всей видимости, вечер у них начался с возлияний, потому что они то и дело спотыкались на неровной брусчатке и раздражались громким смехом всякий раз, когда кто-нибудь из них падал. Их голоса, невпопад горлающие песню, достигли ушей Орландо. В своих ярко-зеленых, синих, алых

костюмах, размахивающие беретами и сверкающие драгоценностями, они казались персонажами какой-то картины.

Орландо приоткрыл окно, впустив в комнату звуки музыки и смех, смешанные с прохладным бризом. Эти люди веселились так, будто им ничто не угрожало, словно в их жизни не было ни печали, ни страха. Одна лишь свойственная молодости бесшабашная уверенность в том, что все будет хорошо, что красота и веселье пребудут с ними вечно.

Когда-то и Орландо был таким. Уверенным, что ничто и никогда не омрачит его жизнь. Теперь он знал, что ошибался. Счастье, радость жизни исчезли, как роса под жаркими лучами солнца. Эти люди тоже скоро поймут, что ничто не вечно.

Орландо видел, как Элеанора Мелоцци, самая дорогая куртизанка во всей Флоренции, вцепилась в бархатный рукав камзола Джулиано. Она обернулась к паре, следовавшей позади, и в свете факелов ее распущенные волосы сверкнули золотом.

Рыжеволосая женщина, подруга Элеаноры, шла под руку с высоким светловолосым мужчиной. Ее пальцы были унизаны кольцами с драгоценными камнями. Ее спутник пронзительно рассмеялся, запрокинув голову, мерцающий свет факелов озарил его лицо.

Это был Маттео Строцци.

Орландо так крепко сжал пальцы, что острая кромка оконной створки впиалась ему в ладонь, но он не чувствовал

боли. Перед ним был Строщи, подлый ублюдок. Человек, которого он поклялся уничтожить.

Внезапно, сквозь алую пелену гнева, он ощутил легкое прикосновение к своей руке. словно очнувшись, он обернулся и увидел, что Лукреция, отложив книгу, подошла к нему. Она внимательно смотрела на Орландо, и в ее зеленых глазах с золотистыми крапинками он увидел тревогу.

Он улыбнулся, пытаясь успокоить ее. Он не хотел, чтобы кто-то знал, какая ярость пожирает его. В дни бесшабашной молодости Орландо Лукреция стала его первой любовницей, а теперь, удалившись от дел, она дарила ему свою дружбу. Ее палатка было единственным местом, где он мог наслаждаться покоем. Лукреция была единственным человеком, с которым он мог поговорить, который разделял любовь Орландо к искусству и книгам.

Лукреция слишком хорошо знала Орландо, чтобы обмануться его беспечной улыбкой, шутливыми отговорками. Флоренция была городом фасадов, масок, а Орландо был мастером перевоплощений.

– Ты сегодня рассеян, Орландо, – сказала Лукреция. – Что случилось?

Он знал, что ему не обмануть Лукрецию, но и довериться ей не мог. Не сегодня. Тьма уже сгущалась вокруг него, скоро она совсем поглотит его. Лишь грубые плотские развлечения могли на время рассеять эту мглу.

Засмеявшись, Орландо обнял Лукрецию за талию и при-

тянул к себе. В прохладный ночной ветерок вплелись нотки ее жасминовых духов.

– Что может случиться в такую ночь, как эта, моя прекрасная Лукреция? Звезды сверкают, как бриллианты, в твоих роскошных волосах...

– Ты ужасный поэт. – Лукреция рассмеялась, но ее взгляд был устремлен на площадь – веселая компания Медичи скрылась за углом. – Ты думал о них?

– С чего бы? Пусть кто-нибудь другой думает о них, а у мне своих забот хватает.

Лукреция нахмурилась:

– Мой друг Якопо Пацци говорит...

– Говорит то, что ему не следовало бы говорить, – перебил Орландо. Он не хотел думать о Маттео Строцци и о его друзьях Медичи, не сейчас. Он почувствовал, как в нем снова пробуждается гнев. Он тоже знал кое-кого из семьи Пацци, богатых и могущественных соперников Медичи, и знал, как легко развязываются их языки, когда вино льется рекой. – Мужчины невоздержанны в речах, когда их руки сжимают кубки с вином. Кому, как не тебе, это знать, моя Лукреция.

Она задумчиво смотрела на площадь, откуда еще доносились отзвуки шагов Медичи и Маттео Строцци. Казалось, они оставили за собой тень.

– Мне бы хотелось, чтобы сегодня ты пошел со мной к Бьянке. У нее будет новый поэт. Говорят, это что-то восхитительное. Это развлечет тебя.

– Боюсь, не получится, дорогая Лукреция. Я уже договорился о встрече с друзьями.

Лукреция рассмеялась:

– О встрече в какой-нибудь сомнительной таверне за городом? Мы теперь слишком благородны для тебя, Орландо?

Он собирался именно в такую таверну, но не мог признаться в этом Лукреции, которая некогда считалась самой образованной и самой умной куртизанкой в городе. Ему нравилась утонченная обстановка в ее доме, жизнь, которую она вела, ее друзья. Но порой ночами, когда демоны выходили на охоту за ним, когда он чувствовал на себе их ледяные костлявые пальцы, только грубые, примитивные развлечения могли заставить их отступить. Дешевое вино, доступные женщины, простая музыка.

– Ах, Орландо, – сказала она улыбаясь, – однажды ты найдешь то, что ищешь, и тебе захочется изменить свою жизнь. Сейчас ты напоминаешь мне странствующего рыцаря.

– Я? – усмехнулся он. – Странствующий рыцарь? Если я чего и ищу, так разве что бочонок хорошего пива, а не сокровища. Ты стала очень романтической с тех пор, как удалилась на покой.

Она покачала головой:

– Я знаю тебя. Однажды ты поймешь, что я была права, вот увидишь. И твоя жизнь изменится.

– Увидимся на следующей неделе, Лукреция.

Орландо поднес к губам ее унизанную драгоценностями

руку.

Лукреция нежно коснулась его щеки. Едва заметная улыбка тронула ее губы.

– Надеюсь. Я тревожусь за тебя, Орландо, когда ты в таком настроении.

– Не стоит волноваться, дорогая, – сказал он, беззаботно улыбнувшись.

Впрочем, Лукрецию трудно было обмануть. Она отступила на шаг назад и махнула рукой:

– Что ж, ступай, если нужно. Ты, твои друзья и твои таверны...

Орландо поцеловал ее на прощание и вышел из элегантного палаццо на запруженную народом улицу. Надев черную полумаску, он убедился, что его кинжал надежно закреплен на поясе. Чем ближе он подходил к центру города, тем многолюднее и шумнее становилось на улицах. Дома здесь были выше, стояли теснее, и покрытые штукатуркой стены едва не смыкались над головой Орландо. Ставни были распахнуты навстречу ночной прохладе, женщины в ярких платьях высывались из окон, зазывая прохожих. В теплом воздухе витал запах дешевого пива и розовой воды. Лишь в таких местах, как это, Орландо мог на время забыть о том, что случилось с Марией Лоренцой. Только здесь он был свободен.

Впрочем, он понимал, что эта призрачная свобода не вечна. Демоны терпеливо ждали своего часа.

Глава 2

– Рыба, рыба! Самая восхитительная, самая свежая рыба во всей Флоренции, мадонна, купите, не пожалеете!

Улыбнувшись, Изабелла махнула рукой, отгоняя настойчивого торговца рыбой. Она шла мимо рынка. Торговец пожал плечами и тут же нашел новую жертву – очередного прохожего. Вскоре резкий запах портящейся на солнце рыбы стал слабеть, уступая место аромату спелых фруктов и специй.

«Как странно, – подумала Изабелла, – что в этом мире грез встречаются такие прозаические вещи, как рыба».

С той минуты, как они въехали через одни из ворот Флоренции, Ворота судьбы, и направились ко дворцу Строчи, Изабелле казалось, что она очутилась в каком-то фантастическом мире, чудесной стране, которую бессильна изобразить кисть живописца. Описания в книгах, рассказы друзей отца не передавали и сотой доли очарования этого города.

Они медленно ехали верхом по улицам Флоренции. За Изабеллой следовали Мена и двое слуг, замыкали процессию мулы с поклажей. У Изабеллы было время рассмотреть город, вдохнуть аромат благовоний, насладиться новым для себя зрелищем. Она старалась уместить в памяти все это – улицы, фасады домов, чтобы потом перенести их в свой альбом. Тогда в один прекрасный день, будучи уже старой жен-

щиной, забытой в сельской глуши, она откроет альбом, увидит выцветшие рисунки и вспомнит день, когда осуществилась ее мечта.

Флоренция – город кривых улочек, а некоторые из них были такими узкими, что путники вынуждены двигаться друг за другом. Подковы лошадей звонко цокали по неровным плитам. Здесь были открытые солнцу площади, высокие башни, похожие на крепости дворцы с массивными каменными стенами, нависающие над мостовой балконы, где роскошно одетые красавицы отдыхали в этот солнечный день. Они распустили волосы, чтобы солнце высветлило их.

Старые церкви, молчаливые и гордые в своей древней святости, являли взору фасады с геометрическими узорами из потертого мрамора черного, белого, зеленого и розового цветов. За храмами высились тесно прижатые друг к другу дома, где обитали рабочие и ремесленники. Оттуда доносились вопли, окрики, взрывы смеха. За домами прятались таинственные монастыри и аббатства, запертые на тяжелые массивные засовы.

В городе кипела жизнь, и Изабелла особенно остро чувствовала это после своего тихого тосканского дома. Там, в глуши, где оливковых деревьев росло больше, чем людей, ее уделом стало тихое созерцание природы. Здесь, во Флоренции, царил настоящий хаос звуков, образов, запахов. Крики торговцев, продающих ткани, овощи, свечи, перья, духи. Мольбы нищих, вопли детей, гоняющихся друг за другом по

узким улочкам, лай бродячих собак, хрюканье и визг свиней, которых тащили на рынок. На улицах было тесно, душно, аромат жарящегося мяса смешивался с запахами пролитого вина, пряных духов, невымытых тел и распустившихся цветов.

Изабелла была в восторге. Ей нравился каждый, даже самый дурно пахнущий кусочек этого города. Сердце готово было вырваться из груди, за спиной словно выросли крылья свободы, о которой она так долго мечтала и которую не надеялась обрести. Здесь, на узких улочках Флоренции, Изабеллу ждала настоящая жизнь.

Девушка окинула взглядом внушительную церковную колокольню с замысловатым узором из зеленых, розовых и белых мраморных плиток, сиявших на солнце. Жаль, что под рукой нет альбома и она не может запечатлеть эту красоту, вздохнула про себя Изабелла. Она заворожено смотрела на колокольню.

Вдруг впереди раздался громкий крик. Конь Изабеллы испуганно отшатнулся. Мена и остальные спутники девушки исчезли, словно растворились на улицах Флоренции. Изабеллу окружили незнакомцы. Видя ее смущение, эти оборванцы разразились громким хохотом.

Она почувствовала холодный укол страха. Дома она могла бродить где вздумается, но там были поля, виноградники, ее собственный сад. Эта улица, всего мгновение назад казавшаяся Изабелле такой красивой, вдруг превратилась в нечто иное – странное и пугающее. Изабелла понятия не имела,

как выбраться отсюда.

Стиснув зубы, она тронула лошадь. Та неохотно двинулась по узкой темной улочке. Девушка пыталась вспомнить, что же было написано в письме Катерины, которое осталось в седельной сумке одного из слуг. В письме были даны четкие указания, как добраться до дворца кузины, но сейчас все дома казались Изабелле совершенно одинаковыми. Во взглядах пробежавших мимо детей, женщин, выглядывавших из-за зарешеченных окон, ей чудилась подозрительность.

Смущенная, растерянная и слегка испуганная Изабелла повернула за угол и очутилась в маленьком дворике. Высокие дома, теснившиеся со всех сторон, отбрасывали густую тень на потрескавшуюся брусчатку. Эти покосившиеся сооружения были совсем не похожи на красивые дома на набережной. Лепнина облупилась, в окнах не было сияющих стекол и бархатных портьер. В центре дворика красовался разбитый фонтан. Да, Катерина определенно жила не здесь.

Изабелла натянула поводья, разворачивая лошадь, но переулок уже перегородили двое мужчин. Изабелла не заметила их появления и рассердилась на себя за то, что потеряла бдительность. Мужчины были высокими, мускулистыми, бородатыми, в одинаковых красно-коричневых выцветших куртках. Один из них ухмыльнулся, продемонстрировав неровные желтые зубы.

– Гляди, какая прелестная птишка сюда залетела, – сказал он.

Его спутник пробурчал что-то неразборчивое. Изабелле стало страшно.

– Простите, синьор, – пробормотала она, едва сдерживая дрожь, но стараясь высоко держать голову.

Крепко сжав поводья, она попыталась проскользнуть мимо незнакомцев в узкий переулок.

Все случилось в одно мгновение. Проворно протянув руку, один из мужчин схватил лошадь за уздечку, а другой рукой вцепился в запястье девушки. Он потянул Изабеллу к себе, стаскивая ее с лошади, и девушка почувствовала острую боль. Вскрикнув, она попыталась брыкнуть его ногой, но юбки стесняли движения. Изловчившись, Изабелла царапнула ногтями по щеке бандита. Грязно выругавшись, он замахнулся кулаком.

В следующее мгновение он вдруг отлетел в сторону. Девушка покачнулась, оступившись на неровной брусчатке. Шляпа сползла на глаза. У Изабеллы отчаянно кружилась голова, ее мутило, громкие крики и звуки ударов нещадно били по ушам.

Она отбросила шляпу и отвела от лица выбившиеся из прически пряди. Картина, представшая ее глазам, напоминала фреску со сценой Страшного суда – вихрь движений, перекошенные лица, мелькание цветных пятен. Она инстинктивно отшатнулась, вжалась в стену, покрытую облупившейся штукатуркой, и попыталась разобраться в том, что происходило перед ее расширенными от ужаса глазами.

Один из напавших на нее мужчин неподвижно лежал на земле, под ним расплывалось темное пятно. Другой боролся с высокой фигурой в черном, словно карающий дух. Незнакомец двигался с устрашающей грацией, как будто смертельная схватка была для него игрой. Его кулаки и обутые в сапоги ноги наносили внезапные и меткие удары.

Через мгновение мужчина, напавший на Изабеллу, с отвратительным мягким стуком свалился на камни рядом со своим приятелем. Спустя несколько секунд он, пошатываясь, встал на четвереньки, потом с трудом поднялся на ноги и помог встать своему стонущему собрату. Поддерживая друг друга, они со всей возможной скоростью заковыляли прочь. В маленьком дворике воцарилась тишина, нарушаемая только прерывистым дыханием темного ангела.

Изабелла была удивлена, напугана и... заинтригована. Как мир вокруг нее мог измениться с такой внезапностью?

Ей хотелось сбежать и укрыться, спрятаться от страха, который словно клещами вцепился в нее. Она никак не могла сдержать охватившую ее дрожь. И все же Изабелла не двинулась с места. Она стояла, прижавшись к стене и изумленно глядя на незнакомца.

Ее спаситель медленно повернулся, взглянул ей в глаза, и Изабелла потрясенно вздохнула. Он и правда был похож на ангела, падшего ангела. Блестящие черные волосы в беспорядке падали на лоб, на бронзовой от загара щеке алела царапина. Незнакомец был красив, но красота его была стран-

ной, словно не от мира сего. Суровое лицо с чеканными чертами, чувственные губы – именно таким предстал бы на рисунке Изабеллы падший ангел.

Его ясные глаза цвета морской волны как будто сияли в полумраке маленького дворика. Изабелла заметила, как в его взгляде промелькнуло что-то мрачное – мелькнуло и ушло в глубину. Рассудок говорил Изабелле, что она должна испытывать страх, но она почему-то совсем не чувствовала испуга. Ей вдруг захотелось подойти ближе к незнакомцу, коснуться его волос, заглянуть в глаза. Вместо этого она сильнее прижалась к холодной стене.

Мужчина провел рукой по влажному лбу.

– Вы не пострадали, синьорина? – спросил он.

Его голос был хриплым, глубоким, но спокойным.

Изабелла судорожно вздохнула. В горле словно застрял комок.

– Я... Нет. Вы явились как раз вовремя. Не знаю, как вас благодарить. Я... понимаете, я заблудилась, а эти люди...

Слабая, успокаивающая улыбка тронула его губы.

– Во Флоренции следует быть осторожной, синьорина. Эти улицы очень обманчивы.

Изабелла подумала об искрящейся реке, о прекрасных мраморных дворцах на набережной. Как стремительно изменилась картина. А сейчас... сейчас перед ней стоит этот мужчина. Мужчина, подобного которому она никогда не видела.

– Теперь я это понимаю, – ответила она и умолкла, словно лишившись дара речи.

Неужели подобное чувство когда-то охватило и ее родителей? Нужно быть очень осторожной.

Он сделал шаг вперед и протянул руку. Он двигался очень медленно, очень осторожно, как будто Изабелла была диким животным, которого он хотел приручить.

– Позвольте мне проводить вас домой. Меня вы можете не опасаться.

Несмотря на то что ей довелось увидеть, Изабелла отчего-то сразу поверила ему. С теми, кто напал на нее, незнакомец был свиреп и безжалостен, но теперь... теперь в его необыкновенных глазах она видела лишь слабый отблеск былой вспышки. Изабелла покачала головой и печально улыбнулась:

– Я не знаю, где мой дом. Я только сегодня приехала во Флоренцию.

Незнакомец недоверчиво посмотрел на нее:

– Но у вас ведь, наверное, здесь есть родственники?

– Да, но...

Изабелла умолкла, охваченная сомнениями. Она вдруг подумала, что, наверное, не стоит упоминать имя кузины и называть незнакомцу ее адрес.

Мужчина понимающе кивнул:

– Идемте, я найду человека, который проводит вас куда пожелаете. Человека, которому вы сможете довериться.

Не слишком большая разница. В конце концов, ее провожатый узнает, куда она направляется. Но у Изабеллы не было выбора. Она должна была отыскать дом Катерины и меньше всего хотела ввязываться в очередной уличный скандал. Она внимательно посмотрела на незнакомца. Мрачное выражение, промелькнувшее на его лице, исчезло, сменившись легкой улыбкой. Впрочем, Изабелла ни на секунду не забывала, что перед ней – опасный человек.

– Благодарю вас, – сказала она. – Я перед вами в большом долгу, синьор.

Он покачал головой:

– Сегодня я сделал по меньшей мере одно доброе дело.

– То есть на сегодня с искуплением грехов покончено? – вымолвила вдруг Изабелла, сама себе удивившись.

Незнакомец изумленно взглянул на нее:

– Я обречен вечно каяться в своих грехах, синьорина. Но идемте, нужно найти кого-то, кто проводит вас домой.

– Синьорина Изабелла! Хвала всем святым, вы живы и здоровы! – донесся до Изабеллы крик Мены, пытавшейся выбраться из толпы, окружившей собор Санта-Мария дель Фьоре.

Изабелла добралась сюда в сопровождении двух телохранителей, которых нашел ее ангел-хранитель. Эти люди выглядели совсем как те разбойники, что напали на нее, – рослые загорелые бородатые мужчины. Однако они были мол-

чаливы и вежливы и внимательно следили за тем, что происходит вокруг. Изабелла не знала, что это были за люди, но видела, как сосредоточенно они слушали ее спасителя. Они привели девушку в самое оживленное место города. Она даже не знала их имен.

Как зовут ее спасителя она тоже не знала, но была совершенно уверена, что никогда его не забудет. Это лицо будет являться ей во сне.

Но суждено ли ей когда-нибудь снова увидеть этого человека? Изабелла желала этой встречи всем сердцем и в то же время страшилась ее.

– Мена! – воскликнула она, поднимаясь в стременах, чтобы разглядеть служанку, пробирающуюся сквозь толпу. Изабелла облегченно вздохнула. – Вот ты где!

– Вы так неожиданно исчезли, мы уж не знали, что и думать! – пробормотала служанка, по ее морщинистым щекам катились слезы. – Это дурное место. Нам бы лучше вернуться домой.

– Мы не можем уехать, не повидавшись с Катериной, – ответила Изабелла.

«Лучше, пожалуй, не говорить Мене о том, что случилось», – подумала она. День и без того выдался нелегким. Больше всего Изабелле сейчас хотелось отыскать наконец дом кузины, принять ванну, поесть... и помечтать о своем спасителе. Нарисовать его лицо прежде, чем черты сотрутся из ее памяти.

– Эти люди помогли мне найти дорогу...

Изабелла оглянулась, но ее телохранители исчезли, растаяли в толпе, словно и не было этого молчаливого эскорта. А вдруг ей все это привиделось? Такое уже случалось прежде.

Но нет. Изабелла отчетливо помнила прикосновение таинственного незнакомца к своей руке, сияние его глаз. Нет, это определенно не сон.

Девушка спустилась с лошади, обняла Мену и последовала за ней к слугам, ожидавшим у входа в собор.

Оставив рынок позади, путники двинулись по направлению к реке Арно. Толпа на улицах поредела. Миновав знаменитый мост Понте Веккьо, они повернули к Виа Порчеллатти, кварталу великолепных дворцов. Здесь и в помине не было ужасных маленьких двориков, подобных тому, в который попала заблудившаяся Изабелла.

Здесь было тише, крикливые торговцы и нищие остались позади. В этом квартале тоже былолюдно, но прохожие выглядели куда более респектабельно. Дамы в шелковых платьях и прозрачных вуалях, сверкая драгоценностями, спешили в церковь Сан-Лоренцо, сопровождаемые бдительными служанками. Мужчины в вышитых бархатных камзолах беседовали друг с другом, провожая Изабеллу внимательными взглядами. Слуги тащили тяжелые корзины. Лавки, прячущиеся от палящих лучей солнца за зелеными навесами, предлагали богатый выбор золота, драгоценностей, шелков.

Дома здесь были большие, массивные, но построенные из

простого розовато-серого камня. Их тяжелые двери и резные балконы возвещали о власти, богатстве, безопасности. Вот тут-то и жили Строцци.

Как и написала Катерина в своем письме, это был прекрасный дворец высотой в три этажа, на углу небольшой площади у Виа Порчелатти. Над красными черепичными крышами возвышался охряной кирпичный купол Дуомо, знаменитого творения Брунеллески.

Полуоткрытые ставни защищали комнаты от солнечных лучей, двери были заперты на засовы. Изабелла подняла взгляд. Сомнений не было, они нашли нужный дом – над входом сиял герб Строцци.

– Должно быть, это здесь, – утомленно пробормотала Мена. – Наконец-то.

Изабелла посмотрела на свою служанку. Лицо Мены посерело от усталости и выглядело совсем изможденным под широкополой соломенной шляпой, глаза покраснели. Долгое путешествие для Изабеллы было источником удовольствия, если не считать того неприятного инцидента во дворе, но для Мены оно стало сущим наказанием. «Не совершила ли я ошибку, – подумала Изабелла, – взяв Мену с собой?» Может быть, и ей самой не стоило приезжать сюда? Она выросла в деревне, разве ей место здесь? Но, как ни странно, Изабелла совсем не чувствовала страха, напротив, ею владело радостное волнение. Она хотела остаться во Флоренции.

Изабелла сочувственно улыбнулась:

– Мы уже на месте, Мена! Нас ждет горячая ванна, сытная еда и мягкая постель.

– Хвала святой Катерине! – пылко отозвалась Мена.

Один из слуг спешился, подошел к дому и постучал медным дверным молотком в тяжелую, окованную железом дверь. Не успело стихнуть гулкое эхо, как раздался скрежет – засовы отодвинулись, дверь со скрипом распахнулась, и на пороге появился паж, облаченный в вышитую ливрею Веспуччи.

– Прибыла синьорина Изабелла Спинола, – возвестил слуга.

Паж окинул взглядом Изабеллу и ее потрепанную свиту. Да уж, подумала она, вид у них не слишком элегантный. Ей полагалось прибыть в драпированных шелком носилках, в сопровождении вереницы слуг и повозок, груженных сундуками с одеждой. Однако ничего этого у Изабеллы не было. Путники с ног до головы были покрыты пылью, простое, темно-синее дорожное платье Изабеллы помялось. Она вспомнила прозрачные вуали и усыпанные драгоценностями головные уборы дам, встреченных по дороге, и машинально подняла руку, чтобы поправить прическу. Волосы Изабеллы были стянуты черной лентой и убраны под сетку, прическу венчал простой бархатный берет.

Изабеллу снова охватили сомнения. Она, выросшая в глуши девчонка, вот-вот вступит в самое элегантное, самое

утонченное общество в мире. Что, если ее одежды, ее манеры – да все в ней неправильно? Настолько неправильно, что Катерина со смехом выгонит ее из своего дома, отошлет прочь, в деревню, где Изабелле самое место. От мысли о том, что ей придется вернуться в одинокий дом, в глушь, где никогда не встретит такого мужчину, как тот незнакомец в черном, у Изабеллы невольно сжалось сердце.

Однако паж, вместо того чтобы захлопнуть перед ней дверь, лишь кивнул:

– Разумеется. Синьорина Строцци ждет вас.

Он широко распахнул дверь и на улицу высыпали слуги в ливреях.

– Они отведут ваших лошадей в конюшню, синьорина Спинола. Соблаговолите последовать за мной, госпожа велела сразу провести вас к ней.

– Конечно, – слабым голосом отозвалась Изабелла, соскальзывая с жесткого испанского седла.

Ноги подгибались. Стоит ей сделать один шаг к этим дверям – и назад пути уже не будет. Она не сможет убежать.

«Трусиха! – прошептал внутренний голос. Чего ты ждешь? Разве не к этому ты так долго стремилась? Разве не этого ты хотела? Тебе нечего стыдиться – твоя кровь такая же благородная и древняя, как и у нее. Не позорь своего отца... и себя».

Изабелла выпрямилась, расправила плечи. Нет, она не трусиха. И никогда ею не была. Она должна войти в эту

дверь, пусть даже она окажется вратами ада. У нее нет выбора. Не теперь. Да теперь она и не хотела для себя другого пути.

Высоко подняв голову, Изабелла последовала за пажом. Войдя в гостеприимно распахнутые двери, она обнаружила, что за ними нет и намека на адские мучения.

Сделав несколько шагов, Изабелла замерла, изумленно озираясь. Внутренний дворик был открыт небу, но нависающая крыша, закрывавшая галерею на втором этаже, давала тень и прохладу. В центре дворика высился внушительный мраморный фонтан, вода, сверкая, струилась из кувшина каменной нимфы. Пол был вымощен бледно-розовыми мраморными плитами, сиявшими чистотой. Древние статуи, изваяния богов, богинь и героев, удобные скамьи и кресла – все дышало уютом, звало к тихой беседе и размышлениям. Здесь все было так, как на гравюрах в отцовских книгах, подумала Изабелла, как будто она очутилась на римской вилле.

Отцу бы здесь понравилось...

– Синьорина? – мягко окликнул паж, возвращая Изабеллу к реальности.

Она растерянно посмотрела на него. Девушка совсем забыла о его присутствии, забыла, что она не одна в этом средоточии совершенной красоты. Паж улыбнулся. Он, наверное, привык к подобной реакции.

– Могу я проводить вас к синьорине Строцци? – спросил он. – Она с нетерпением ждет вас.

– Разумеется, – пробормотала Изабелла, – благодарю вас.

Она последовала за пажом через дворик, мимо рядов статуй. На мгновение ей показалось, что безмолвные изваяния следят за ней. В дальнем конце дворика Изабелла увидела широкую каменную лестницу, поднимающуюся к террасе. Изабелла и ее провожатый были на середине лестницы, когда дверь наверху открылась и появилась девушка.

Наверное, это и была Катерина. В последний раз Изабелла видела свою родственницу, когда была ребенком, но та встреча навсегда запечатлелась в ее памяти. Она помнила себя – загорелую до черноты робкую маленькую девочку, с восторгом взирающую на старшую кузину. Катерина казалась сотканной из солнечных лучей, так прелестна и изящна она была. Все вокруг говорили, что Катерине уготована особая судьба, что она рождена для славы и богатства. Жизнь ее казалась безоблачной. Она даже была помолвлена с одним из Веспуччи, но слухи о ее слабом здоровье расстроили помолвку.

Благоговейный трепет – вот что чувствовала Изабелла в тот памятный день. Не верилось, что человеческое существо может быть столь совершенно, может так отличаться от простых смертных. Катерина олицетворяла собой все то, что не дано было Изабелле: она была красивой, элегантной, спокойной. Тогда Изабелла впервые в жизни почувствовала зависть.

Сейчас, глядя на кузину, она поняла, что с годами ее чув-

ства не изменились. Катерина была похожа на ожившую статую. Ее кожа была светлой, как мрамор, только высокие скулы чуть тронул румянец, волна сияющих золотисто-рыжих волос ниспадала до талии. На ней было небесно-голубое муслиновое платье под цвет глаз. Если бы Изабелла решилась нарисовать кузину, то взяла бы бесценную лазурь.

Радостно улыбнувшись, Катерина направилась к Изабелле.

– Моя дорогая кузина! – воскликнула она, обнимая Изабеллу и окутывая ее ароматом розовых лепестков. – Наконец-то ты здесь. Надеюсь, путешествие было не слишком утомительным?

Катерина не отличалась высоким ростом и все же была выше Изабеллы, которой пришлось встать на цыпочки, чтобы поцеловать кузину в гладкую щеку. Катерина была прелестна, но, обнимая ее, Изабелла почувствовала, как она похудела. Руки в пышных рукавах были совсем тонкими. От Катерины исходил жар, словно ее снедала лихорадка, а голубые глаза неестественно блестели.

И снова Изабелла подумала, что лучше скрыть то, что произошло с ней во время путешествия. Опасность и риск.

– Вовсе нет, – ответила она с улыбкой. – Мы часто останавливались в дороге. Но я рада, что наконец здесь. С твоей стороны было очень мило пригласить меня во Флоренцию.

Пожав плечами, Катерина отступила на шаг назад и окинула Изабеллу внимательным взглядом. Что она могла поду-

мать о своей маленькой черноволосой деревенской кухне? Но Катерина не выдала своих мыслей, лишь улыбка стала шире, а на алебастровых щеках появились ямочки.

– Для чего же нужна семья, дорогая Изабелла? Поверь, ты оказала мне большую услугу, оставив свой дом и приехав сюда. С тобой этот дом будет не таким одиноким и тихим. Но идем, ты, должно быть, проголодалась после долгого путешествия. Паоло, накрой для нас стол и скажи, что моей гостье нужна ванна. А теперь, Изабелла, ты должна рассказать мне, как поживает твой отец. Мама всегда любила его больше других родственников. Она все время говорила о том, какой он мудрый и как много знает.

Паж по имени Паоло поклонился и отправился вниз по лестнице. Катерина, взяв Изабеллу под руку, повела ее наверх. Пока Изабелла рассказывала кухне об отце, заверяя, что он прекрасно себя чувствует и по-прежнему весьма учен, девушки прошли в комнату, которая определенно принадлежала Катерине. Она была не такой официальной и чопорной, как остальные помещения в доме, – большой зал, столовая и гостиные, но куда более роскошной.

На мраморных полах лежали редкие ковры глубоких красных и синих тонов, стены скрывались за гобеленами, изображавшими брак в Кане Галилейской и Диану на охоте. Эти плотные гобелены надежно преграждали путь сквознякам. Мебели было мало – несколько кресел и столиков, в углу Изабелла заметила лютню и клавесин.

Через другую дверь девушки прошли в спальню. Бархатные портьеры были отдернуты, и солнечный свет беспрепятственно лился в окна со свинцовыми переплетами. Лучи ложились на пол, покрытый коврами, освещали огромную кровать резного дерева. Голубое покрывало было откинута, а простыни смяты, словно Катерина лишь недавно встала с постели. Здесь стояли резные сундуки, обтянутые бархатом кресла, на стенах висели зеркала, а в резном медном шаре, свисавшем с потолка, тлели травы, источая мягкий аромат.

Изабелла изумленно оглядела спальню. Это помещение отличалось от ее комнатушки с белеными стенами куда сильнее, чем она могла вообразить.

– Даже представить себе не могу, что в таком доме может быть тихо и одиноко, – пробормотала она.

Катерина рассмеялась:

– Уверю тебя, так и есть! Такой огромный, пустой дом только для меня и Маттео. Вот почему я так часто выхожу отсюда. Ты тоже будешь стараться реже здесь бывать, вот увидишь.

Легкая тень промелькнула по лицу Катерины, облачко, закрывшее солнце. Но уже через мгновение тень рассеялась, и Катерина снова заулыбалась.

– Позволь мне показать тебе твою комнату, Изабелла, – сказала она. – Я велела приготовить ее специально для тебя.

Комната Изабеллы примыкала к спальне Катерины и обстановкой очень напоминала апартаменты хозяйки. Кровать

была застлана темно-розовым покрывалом, портьеры такого же цвета украшали окна. У камина стояли два кресла резного дерева, небольшой столик и пьалцы, крышки сундуков для одежды были открыты.

– Здесь очень уютно, – сказала Изабелла, оглядывая комнату. – Очень. Мне тут будет хорошо, я уверена.

– Прекрасно. Если тебе что-нибудь понадобится, только попроси. Я хочу, чтобы ты чувствовала себя здесь как дома.

Катерина подошла к стене, которую украшали два гобелена в зеленых и кремовых тонах со сценами греческого пира. Между ними висела небольшая картина в изящной золотой раме.

– А это одно из моих сокровищ, – сказала Катерина. – Я подумала, что тебе это должно понравиться.

Не отрывая замороженного взгляда от картины, Изабелла подошла ближе. Яркие живые краски притягивали взор. Девушка никогда не видела ничего подобного. Сцена, изображенная на полотне, была довольно обычной – Мадонна с младенцем Христом на фоне пейзажа, написанного бледно-зелеными и золотистыми красками. Изабелла и сама не раз рисовала Деву Марию. Но такую картину она видела впервые.

Синий и белый цвета одеяния Марии, ее золотые волосы, персиковый оттенок кожи Мадонны и ее младенца – это была сама жизнь. Картина совершенна, подумала Изабелла, в ней не было ни одного изъяна. Грациозная поза Мадонны,

точность и изящество линий, нежность красок. Протянутая рука Марии казалась такой хрупкой, такой притягательной, что Изабелла едва подавила желание коснуться ее. Она спрятала руки в складки юбки.

Катерина внимательно смотрела на полотно, слегка склонив голову в бессознательном подражании Мадонне.

– Разве это не прелестно? – проговорила она. – Картину написал Джованни Беллини из Венеции, он использовал новый метод смешивания краски с маслом.

– Я никогда не видела ничего более прекрасного, – искренне ответила Изабелла, мысленно обещая себе узнать как можно больше об этой новой волшебной технике живописи.

Катерина улыбнулась:

– Я слышала, ты тоже не чужда искусству, кузина. Говорят, ты и сама прекрасно рисуешь.

– Я не художница, – покачала головой Изабелла. – Не настоящая художница, как этот синьор Беллини. Я почти не училась рисовать, но очень люблю искусство. Это самое прекрасное, что может быть в мире, ради чего стоит жить, разве не так? Искусство делает нас лучше.

Катерина пристально посмотрела на нее, выгнув золотистую бровь, и Изабелла почувствовала, что краснеет.

– Прекрасно сказано, Изабелла. Искусство и в самом деле поднимает нас над мирской суетой. Только с его помощью мы можем представить себе, что значит – коснуться божественного. – Катерина схватила кузину за руку. Ее пальцы

были тонкими и слабыми, как у ребенка. – Я знаю, наши семьи не всегда ладили, кухня, но я очень рада, что ты теперь здесь, со мной.

Неожиданно для себя Изабелла поняла, что и она тоже испытывает радость. Глупые сомнения, охватившие ее на пороге этого дома, исчезли бесследно. Разбойники, красивый незнакомец, спасший ее, теперь казались ей сном. Она снова обратила взор на картину. Ее недостижимая совершенная красота стала ей чуточку ближе.

– Я тоже очень рада. Надеюсь, я смогу быть тебе полезной.

Катерина покачала головой:

– Одно твоё присутствие приносит мне облегчение. Я уверена, мы станем настоящими подругами.

Дверь комнаты распахнулась, целая кавалькада слуг внесла подносы с едой, кувшины вина и воды и даже огромную деревянную ванну.

– Наконец-то! – воскликнула Катерина. – Ты, должно быть, умираешь от голода.

В одно мгновение превратившись в строгую хозяйку дома, она внимательно следила за тем, как слуги сервируют стол и наполняют ванну горячей водой.

Изабелла повернулась к стене, чтобы еще раз бросить взгляд на шедевр Беллини, и тут заметила еще одну картину. Она висела у двери, рама ее была более простой, но столь же изящной. Цвета менее яркие, чем на полотне Беллини, создавали ощущение бесплотной неземной фантазии. Это был

портрет Катерины, изображавший ее в розовом платье с низким вырезом. Великолепные золотистые волосы стягивал белый шарф. Она смотрела куда-то в сторону, а на ее губах играла легкая улыбка.

На шее сияло тяжелое золотое ожерелье в виде змеи с рубиновыми глазами. Была ли эта змея символом загадочной болезни Катерины, ее отстраненности от этого мира?

Сделав над собой усилие, Изабелла отвела взгляд от картины и посмотрела на кухню, которая отдавала распоряжения слугам. Катерина улыбалась, но в ее глазах затаилась тень. Изабелла снова подумала о своем спасителе и о тьме, крившейся на дне его зеленых глаз.

– А теперь, кухня, ты должна поесть, – сказала Катерина. – Потом я одолжу тебе одно из моих платьев. Сегодня вечером у нас важное дело.

Важное дело? Неужели вот так, с ходу, и начнется ее новая жизнь? Изабелла почувствовала, как ее желудок стягивается в тугий узел.

– Катерина, я думаю...

Но она не успела договорить. В соседней комнате послышался шум, раздались тяжелые шаги, лай собак, громкие раскаты мужского смеха. Дверь распахнулась, и на пороге появился настоящий гигант.

Изабелла сразу поняла, что это брат Катерины, ее кузен Маттео, у него были рыжевато-золотистые волосы, как у сестры. Но Катерина была бледной и хрупкой, а Маттео –

высоким и широкоплечим, он излучал кипучую энергию. На нем был простой темный камзол и высокие кожаные сапоги, покрытые грязью. Следом за ним в комнату вбежала целая стая собак, похоже, он только что вернулся с охоты.

– А это, наверное, и есть наша прекрасная кухня! – воскликнул Маттео, и его громкий голос в маленькой комнате прозвучал как-то неуместно. – Изабелла, Катерина вот уже несколько недель не может говорить ни о чем, кроме вашего приезда. Хорошо, что у нее наконец появится подруга.

– Я рада, что приехала, – ответила Изабелла, немного взволнованная неожиданным визитом кузена.

Она уже видела Маттео раньше, но мельком. Впрочем, он и тогда, много лет назад, поражал окружающих своим громким смехом и бьющей через край энергией. В этом он не изменился. Казалось, Маттео заполнил собой все пространство.

Схватив руку Изабеллы, он поднес ее к губам и задержал в своих руках дольше, чем полагалось приличиями. У Маттео был особый дар – в его присутствии любой чувствовал себя самым желанным гостем. Интересно, как бы она изобразила его, подумала Изабелла. Как Аполлона, увлекающего за собой солнце? Нет, пожалуй, как Геркулеса, покоряющего мир.

И вдруг, неожиданно для себя самой, она вновь вспомнила своего спасителя с загадочными глазами. Эти мужчины казались такими разными, но который из них более опасен?

– Наша кухня так прелестна, – с улыбкой прошептал Мат-

тео. – Флоренции нужны красивые женщины.

– Не дразни нашу кузину, Маттео, – сказала Катерина. – Сегодня вечером мы идем в мастерскую синьора Боттичелли, хочу познакомить Изабеллу с нашими друзьями.

– Прекрасно. Может быть, он захочет написать ее портрет, как с тебя, сестренка. – Маттео опустил в кресло и потянулся к кувшину с вином. Катерина бросила неодобрительный взгляд на собак, затеявших драку у его ног. – Пока вы здесь, мы найдем вам хорошего мужа, Изабелла. Может, богатого кондотьера?

Изабелла рассмеялась. Она уже давно решила, что брак не для нее. Искусство – вот смысл ее жизни. Муж мог только помешать ей.

– Я пока не собираюсь замуж, – сказала она.

Нет, она никогда не повторит ошибку родителей – любить слишком сильно, потерять и тосковать до конца своих дней.

– Ты не можешь забрать ее у меня, Маттео, и отдать как приз одному из своих друзей, – решительно сказала Катерина, пробуя засахаренный фрукт. – Брак подождет.

– Хорошо, – пробормотал Маттео, пристально глядя на Изабеллу поверх своего кубка.

В его глазах мелькнула странная искорка. У Изабеллы возникло странное чувство... ей показалось, что, несмотря на все его добродушие и обаяние, кузен не из тех, кому можно доверять.

– Позже...

– Вы проводили даму до ее дома? – спросил Орландо мужчин, появившихся на пороге его гостиной.

Он стоял у окна, глядя на оживленную улицу. Прохожие спешили по своим делам, кухарки волокли с рынка тяжелые корзины, куртизанки цокали каблучками, группки молодых людей в пестрых камзолах бряцали мечами и громко смеялись.

Все шло своим чередом, так, будто это был обычный день и не произошло ничего особенного.

– Нет, синьор, она нашла своих слуг, и мы оставили ее, – ответил один из мужчин. – С ними она была в полной безопасности.

Взгляд Орландо упал на женщину в черном. Она была похожа на привидение. Или на сон, как та юная темноглазая девушка.

– Они вас не видели?

Мужчина фыркнул:

– Если мы не хотим, чтобы нас заметили, милорд, значит, никто нас не увидит.

Орландо мрачно улыбнулся. Обернувшись, он посмотрел на мужчин, топчущихся на пороге. Это правда – в искусстве смешиваться с толпой эти бородачи в поношенной одежде не знали себе равных. Они не отличались ни особой красотой, ни уродством, не были слишком высоки или слишком низки, словом, самые обычные люди. Для его целей лучше не при-

думаешь. Поэтому-то он их и нанял. Они были его глазами и ушами, подмечали все, что делалось во Флоренции.

И помогали ему выручать из беды прекрасных девиц.

Орландо бросил им мешочек с монетами.

– Спасибо. Сегодня вы сделали доброе дело ради спасения души.

Мужчины ухмыльнулись, обнажив неровные зубы.

– Чтобы спасти наши души, милорд, нужно изрядно потрудиться.

Орландо принужденно рассмеялся. Его душа тоже безвозвратно потеряна, и надежды на ее спасение нет. Но в глазах той девушки было что-то... искренность, свет, которые всколыхнули в Орландо давно забытые чувства.

– Что-нибудь еще, милорд? – спросил мужчина. – Вы не хотите, чтобы мы отыскали дом той дамы? Или выследили тех негодяев и прикончили их?

Орландо покачал головой:

– Нет, рано или поздно эти негодяи получат по заслугам. А дама теперь в безопасности.

Особенно от него. Орландо вдруг понял, что ему хочется узнать, где она живет. Ее сияющие глаза не выходили у него из головы. Однако он понимал, что это было бы неразумно. Всего одна встреча, а он уже попался в сети. Это может быть опасно.

Он отвернулся к окну:

– Если вы мне понадобитесь, я пошлю за вами.

За его спиной раздались удаляющиеся шаги, металлический лязг мечей и кинжалов. Потом все стихло, и Орlando снова остался один.

Та неожиданная стычка в тихом дворике разожгла его кровь, на несколько мгновений он почувствовал себя бесшабашным юнцом. Потасовки в дешевой таверне теперь мало привлекали его. Драться со всяким сбродом – значило даром тратить силы, которые нужны ему для более серьезных дел. Но когда он увидел этих подлых негодяев, обступивших испуганную девушку, прежний Орlando вернулся к жизни. В то мгновение его охватила ярость, которую он давно не испытывал.

Ее глаза, тонкая нежная рука, которую она протянула ему, вызвали в нем волнение, давно забытое желание, внезапное и обжигающее. Ему захотелось поцеловать ее, прижать к себе, почувствовать ее тело в своих объятиях. Но трепет ее пальцев, робкая благодарная улыбка на ее лице остудили его пыл. Он сделал доброе дело и не мог все разрушить, снова напугав ее.

Сейчас гнев и желание отступили, сменившись привычным хладнокровием, но воспоминания об этой девушке не желали покидать его. Она не была красавицей в обычном смысле этого слова, особенно здесь, в городе роскошных куртизанок, но в ее лице было нечто большее, чем красота. Что-то, что Орlando хотелось разгадать.

Но нет... он не должен искать ее дом. Не должен видеть

ее снова, ради нее и ради себя.

В дверь постучали, и рука Орландо машинально сжала рукоятку кинжала, который он всегда носил за поясом. Его приятели не вернулись бы без его приказа.

– Кто там?

В комнату вошел слуга, обычно присматривавший за входной дверью, и низко поклонился. Он протянул Орландо запечатанное письмо.

– Послание из монастыря Святой Клары. Вы просили, чтобы любые известия оттуда доставлялись вам незамедлительно.

Кивнув, Орландо схватил письмо, сломал печать и поспешно пробежал глазами аккуратные строчки.

Всякий раз, получая письма из монастыря, он испытывал страх. Он боялся узнать, что с маленькой Марией случилось что-то непоправимое, – болезнь, несчастный случай... может быть, даже похищение, если Маттео Строцци узнает о существовании дочери. Маленькая Мария всегда была в мыслях Орландо.

К счастью, это письмо рассказывало лишь о том, как девочка жила с тех пор, как он видел ее в последний раз. Она занималась музыкой, изучала языки и Закон Божий. Она была резвым, веселым, прелестным ребенком. Совсем такой, как ее мать когда-то.

Орландо задумчиво сложил письмо. Глубокое отчаяние сестры, любовь к негодяю, который не стоил ее, оторвали ее

от дочери. Мария Лоренца никогда не услышит смех дочери, не увидит, как малышка бежит по залитому солнцем лугу. Все оставили ее в тот последний роковой час.

Но только не Орландо.

И потому он не мог позволить себе отвлекаться от поставленной цели, пусть даже на его пути встанет дюжина прекрасных девиц.

Глава 3

Солнце превратилось в темно-золотой, почти янтарный шар, когда Изабелла и Катерина покинули палаццо Строщи. День клонился к вечеру, город возвращался к жизни после долгой сиесты. Лавки снова распахивали свои двери, люди выходили из дома в поисках ужина или развлечений. Юноши в ярких камзолах по последней моде и беретах с огромными перьями бесцельно слонялись по улицам, разглядывая проходящих мимо женщин. Однако Изабелла заметила, что на Катерину они смотрели, раскрыв рот от изумления. Вероятно, им казалось, что к простым смертным снизошла богиня.

Изабелла напрасно рассматривала прохожих, надеясь увидеть мужчину, спасшего ее от разбойников в уединенном дворике. Она уже начала спрашивать себя, не привиделось ли ей все случившееся.

На Катерине было узкое платье из темно-сапфирового бархата, отделанного белым шелком, рукава перехватывали золотые и серебряные ленты. Она не украсила себя драгоценностями, потому что ни сверкающие бриллианты, ни мягкое мерцание жемчуга не могли соперничать с сиянием ее белоснежной кожи и голубых глаз.

Она одолжила Изабелле платье из шелка цвета бронзы, отделанное алыми лентами и украшенное искусной вышивкой. Это было чудесное платье, сшитое по последней моде, и

все же Изабелла чувствовала себя как деревенская девчонка, обряженная в шелка. Все происходящее казалось ей сном.

Взяв Изабеллу под руку, Катерина увлекла ее за собой.

– Это недалеко, кухня. Я хожу туда каждый день и иногда возвращаюсь домой, когда уже совсем стемнеет.

Изабелла была заинтригована. Катерина так и не сказала ей, куда они направляются. На все вопросы она отвечала легкой улыбкой. Может быть, это лавка с модными нарядами, собор или галерея? Изабелле не по душе была вся эта таинственность, особенно после всего того, что случилось с ней в этот день.

– Катерина, ты так и не скажешь мне, куда мы идем? – снова спросила она.

– Я же сказала, что это сюрприз. Но обещаю тебе, Изабелла, тебе там понравится.

Наконец они остановились у солидного каменного строения, размерами не уступавшего дворцу Строщи.

Ставни на окнах были закрыты, а над дверями не было герба, указывавшего на принадлежность дома.

Один из пажей Катерины, взявшись за массивное медное кольцо, постучал в деревянную дверь. Уже через мгновение створки распахнулись, и на пороге появился не слуга в ливрее, а молодой человек в просторной блузе, покрытой разноцветными пятнами краски. На щеке чернело угольное пятно. Он поморгал, ослепленный лучами заходящего солнца, а потом на его лице расцвела широкая улыбка.

– Синьорина Строщи! – радостно воскликнул он. – Вы пришли! А мы гадали, что вас задержало сегодня.

– Счастливейшее из событий, Якопо, – ответила Катерина. – Ко мне приехала моя кузина, синьорина Спинола. Она тоже большая поклонница искусства.

– Хозяин будет очень рад.

Юноша шире распахнул дверь и пригласил Катерину со спутницей войти. Вместо открытого внутреннего дворика, как во дворце Строщи, они вступили в хаос.

Но это был чудесный хаос. Такой, о котором мечтала Изабелла долгими бессонными ночами. Хаос мастерской художника.

Сквозь высокий потолок из толстого стекла в помещение лился солнечный свет. Вдоль стен на мольбертах стояли полотна разной степени завершенности – от едва заметных набросков до тщательно выписанных сцен. У мольбертов, словно пчелы в улье, толпились люди в запачканной краской одежде, они спорили, размахивая кистями. Изабелла вдохнула едкий запах скипидара и темпера, и он показался ей прекраснее аромата весенних цветов.

Изабелла с восторгом смотрела вокруг и не сразу откликнулась на легкое прикосновение Катерины к своему плечу.

– Ну как, кузина? Что ты обо всем этом думаешь?

Изабелла растерянно улыбнулась:

– Я думаю, что это совершенство.

Катерина рассмеялась:

– Это и в самом деле так! Здесь средоточие всего великого, что есть во Флоренции. Идем, я познакомлю тебя с творцом этого совершенства.

Взяв Изабеллу под руку, она медленно двинулась через толпу художников, улыбаясь присутствующим, задавая им короткие вопросы. Было очевидно, что Катерина здесь бывает очень часто. Все эти люди хорошо ее знали.

Изабелла ощутила небывалое волнение. Возможно... может быть... они с Катериной будут приходить в это благословенное место каждый день. Тогда она сможет наблюдать за работой художников, узнает о новой технике живописи, заведет знакомства. Если бы она только могла...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.